

Презумпция невиновности или презумпция виновности – вот в чем вопрос!

Борис Габараев
Карина Денишева

Во всех своих предшествующих публикациях авторы неизменно подчеркивали, что они «классические» дилетанты в предмете публикации и, возможно, именно поэтому, хотя и нисколько не ставя это себе в заслугу, являются выразителями более или менее массовой точки зрения по затрагиваемому вопросу. Отсюда и надежды авторов на некоторый интерес уважаемого Читателя к их размышлениям. В настоящей публикации авторы остались верны своему подходу.

Итак, что же это такое – презумпция невиновности?

Практически любой человек, который хоть понаслышке знает о некоем римском праве, с готовностью скажет, что *презумпция невиновности это принцип, в соответствии с которым любой обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока сторона обвинения не докажет его вину.*

Нетрудно догадаться, хотя бы умозрительно, о возможности существования перевернутого принципа, а именно о *презумпции виновности как о принципе, в соответствии с которым любой обвиняемый считается виновным до тех пор, пока он не докажет отсутствия своей вины.*

Реалии сегодняшнего дня показывают, что презумпция виновности носит отнюдь не умозрительный характер.

Напротив, формально не будучи сколько-нибудь признанной, она составляет, тем не менее, довольно успешную конкуренцию официально всеми принятой пре-

ГАБАРАЕВ Борис Арсентьевич – доктор технических наук, Заслуженный энергетик Российской Федерации. E-mail: boris_gabaraev@mail.ru

ДЕНИШЕВА Карина Торезовна – журналист. E-mail: karina.denisheva@yandex.ru

Ключевые слова: Римское право, презумпция невиновности, презумпция виновности.

зупмции невиновности. Зачастую мы невольно оказываемся, если не участниками, то свидетелями столкновения этих двух взаимоисключающих подходов при определении судеб людей, а иногда и целых народов.

Обратимся за наглядными примерами к различным сферам нашей сегодняшней жизни.

Примеры из практики правоохранительных структур

Нередко действия российских правоохранительных структур являются готовыми хрестоматийными примерами подмены презумпции невиновности на презумпцию виновности.

В подтверждение этого тезиса авторов достаточно обратиться к двум так называемым резонансным случаям, детально описанным в российских и зарубежных СМИ.

Смерть Сергея Магнитского. По информации СМИ, 24 ноября 2008 г. был арестован 36-летний Сергей Магнитский – российский юрист, сотрудник британской юридической фирмы *Firestone Duncan*, оказывавшей юридические услуги фонду *Hermitage Capital Management*. Его обвинили в том, что он помог главе фонда Уильяму Браудеру уклониться от уплаты налогов.

После ультразвукового исследования, проведенного 14 июля 2009 г. в «Матросской Тишине», Магнитскому поставили диагноз «калькулезный холецистит» (камни в желчном пузыре) и назначили плановое лечение с повторным обследованием. Через 11 дней его перевели в Бутырский СИЗО, как объяснили адвокатам, по причине ремонта в «Матросской Тишине».

Следователь следственного комитета МВД Сильченко неоднократно интересовался, не готов ли Магнитский выйти на особый порядок судебного разбирательства, когда подозреваемый добровольно признает себя виновным. Магнитского дважды знакомили с новой главой Уголовно-процессуального кодекса о сделке со следствием, сразу после того, как она начала действовать (август 2009 г.).

Вопреки многократным заявлениям адвокатов о том, что его необходимо освободить и госпитализировать, а в СИЗО его

не лечат, Тверской суд Москвы оставил Магнитского под арестом.

Несмотря на предписания врачей Бутырского СИЗО, следователь Сильченко отказал 2 сентября 2009 г. в просьбе адвокатов о предоставлении медицинской помощи С.Магнитскому:

«Довожу до Вашего сведения, что Ваше ходатайство от 19 августа 2009 г. ... в защиту интересов обвиняемого Магнитского С.Л., в котором Вы просите следователя обратиться к начальнику ФБУ ИЗ-77/2 УФСИН России по г. Москве с заявлением об обеспечении проведения контрольного ультразвукового исследования (УЗИ) брюшной полости содержащегося под стражей обвиняемого Магнитского С.Л... рассмотрено и 31 августа 2009 г. вынесено постановление о полном отказе в его удовлетворении.... Действующее законодательство не возлагает на следователя обязанность контролировать состояние здоровья содержащихся под стражей подозреваемых, обвиняемых, и ссылка защиты на ст. 11 УПК РФ в данном случае является неправомерной».

Оставленный без необходимой медицинской помощи С.Магнитский скончался 16 ноября 2009 г. в больнице Бутырского СИЗО после 11 месяцев предварительного заключения. Адвокаты утверждают, что смерть юриста стала следствием отказа предоставить подследственному необходимую медицинскую помощь. Сначала администрация СИЗО сообщила, что причиной летального исхода послужил панкреонекроз, но позднее они изменили эту версию и стали утверждать, что смерть наступила в результате острой сердечно-сосудистой недостаточности.

Общество юристов Англии и Уэльса направило Президенту России письмо с призывом провести полное расследование заявлений С.Магнитского о неправомерных

действиях российских правоохранительных органов. Президент России дал соответствующие поручения, в результате чего:

– 20 высших руководителей Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) и 16 тюремных начальников отправлены в отставку, в том числе глава Управления ФСИН по Москве (Указ Президента от 4 декабря 2009 г.) и начальник Бутырского следственного изолятора;

– 11 декабря 2009 г. Указом Президента РФ (опубликован 15 декабря на сайте Президента) освобожден от занимаемой должности глава Управления по борьбе с налоговыми преступлениями ГУВД Москвы генерал Анатолий Михалкин, при котором началось уголовное преследование Сергея Магнитского;

– 29 декабря 2009 г. стало известно, что Президент освободил от занимаемой должности заместителя директора ФСИН генерал-лейтенанта Александра Пискунова.

Смерть Веры Трифоновой. В центре второго из рассматриваемых трагических случаев оказалась жительница подмосковного г. Химки 53-летняя Вера Трифонова – глава ООО «КитЭлитНедвижимость». Она была арестована в декабре 2009 г. по обвинению в покушении на мошенничество в особо крупном размере. По версии следствия, она и другие обвиняемые выманили взятку в размере 1,5 млн. долл. у банкира, надеявшегося за эти деньги стать членом Совета Федерации.

Как признал Следственный комитет прокуратуры (СКП), при аресте В.Трифоновой заявила следователю СКП по Московской области С.Пысину о тяжелом состоянии здоровья и необходимости постоянного лечения. По словам адвоката В.Жеребенкова, его подзащитная страдала сахарным диабетом и болезнью почек, а также передвигалась в инвалидном кресле. Между тем, следователь не проверил заявленные подследственной, что она действительно нуждается в лечении, а затем неоднократно и бесосновательно отклонял ходатайства защиты об освобождении ее из под стражи.

Из 20-й московской больницы, где В.Трифопова находилась с диагнозом са-

харный диабет, диабетическая нефропатия и хроническая почечная недостаточность, ее перевели 30 декабря 2009 г. в СИЗО «Матросская тишина». При поступлении состояние ее здоровья было признано тяжелым, больная немедленно была госпитализирована в палату интенсивной терапии больницы учреждения, где до 19 марта 2010 г. проводились клинико-лабораторные и клинико-инструментальные обследования, консультации невропатолога, эндокринолога, нефролога, хирурга и психиатра.

Болезнь дала осложнения, у подследственной отказали почки, а легкие стали заполняться жидкостью, из-за чего она могла задохнуться во сне. «Пусть спит стоя», – приводит ее адвокат В.Жеребенков слова врачей СИЗО, которыми они в начале марта 2010 г. аргументировали свой отказ перевести арестантку в гражданскую больницу.

Вскоре им пришлось все-таки изменить свою позицию, после того как женщина потеряла сознание и ее пришлось реанимировать с помощью бригады медиков из городской клинической больницы № 20, после чего ее перевезли в отделение реанимации и интенсивной терапии этой больницы. Возвращать подследственную в СИЗО медики настоятельно не рекомендовали, так как ее несколько раз в неделю нужно было бы возить в больницу на реанимобиле на процедуру гемодиализа.

Учитывая тяжелое течение, неблагоприятный клинический и реабилитационный прогноз заболевания Веры Трифоновой, администрация СИЗО «Матросская тишина» дважды (25 марта и 9 апреля 2010 г.) направляла в адрес следователя следственного управления СКП по Московской области С.Пысина ходатайства об изменении меры пресечения. По информации представителя Управления ФСИН по г. Москве, ответа на эти обращения не последовало и мера пресечения в отношении Трифоновой не была изменена.

Справедливости ради, следует отметить, что в постановлении Одинцовского районного суда от 6 апреля 2010 г. фигурирует ходатайство следователя об освобождении В.Трифоновой из-под стражи. По мнению следователя, проведение след-

ственных мероприятий с арестанткой невозможно. Адвокат В.Трифоновой, подержав ходатайство следствия, сообщил суду, что защита готова заплатить залог 300 тыс. руб. за ее освобождение. Сама обвиняемая выступить в суде не смогла, так как находилась в реанимационном отделении больницы № 20. Прокурор, присутствовавший на заседании, ходатайство поддержал.

Однако судья О.Макарова, несмотря на редкое единодушие сторон, отказалась отпустить обвиняемую – по ее мнению, из всех представленных материалов «не следует, что Трифонова не может содержаться в условиях изолятора».

Такое постановление было вынесено, несмотря на то, что п. 4 в справке из больницы № 20 гласит: «В настоящее время содержание больной Трифоновой в условиях СИЗО невозможно в связи с необходимостью продолжения специализированной помощи в условиях отделения реанимации и интенсивной терапии».

В своем решении судья добавила, что «органы предварительного следствия при необходимости могут самостоятельно изменить ей меру пресечения с заключения под стражу на подписку о невыезде».

В пресс-службе Следственного управления СКП РФ по Московской области подтвердили, что обвиняемую В.Трифонову нельзя содержать под стражей по состоянию здоровья, но следователи сделать ничего не могут – «связаны законом». По их информации, изменить меру пресечения на залог может только суд, а следователи не могут даже обжаловать решение суда, это в компетенции прокуратуры. Остался без ответа вопрос, почему следствие не согласилось последовать постановлению суда и изменить арест на подписку о невыезде.

Как утверждает адвокат В.Жеребенков, он обратился к следователю, попросил его принять решение самому. А тот поставил условие: «Даст показания – отпустим».

Какие показания может дать человек в беспомощном состоянии, почти уже не способный даже говорить.

Между тем, еще 15 февраля 2010 г., когда решался вопрос о продлении срока

ее содержания в «Матросской тишине», подследственную В.Трифонову, которая передвигалась на инвалидной коляске и почти ничего не видела, даже не смогли привезти в суд. Спустя два месяца, а именно 16 апреля судья Одинцовского районного суда О.Макарова уже в третий раз решила оставить обвиняемую под стражей, отказавшись выпустить ее под залог в 520 тыс. руб., несмотря на предоставленные адвокатами справки о плохом самочувствии своей подзащитной. После суда В.Трифонову решили этапировать в Можайскую тюрьму, где ее отказались принимать по состоянию здоровья.

Врачи московского СИЗО «Матросская тишина» и городской больницы № 20, где снова оказалась В.Трифопова, заявили, что ей необходимо делать несколько раз в неделю гемодиализ, для которого в СИЗО и тюремных больницах нет соответствующего оборудования. По словам адвоката Жеребенкова, родственники его клиентки сами наняли реанимационный автомобиль «скорой помощи», который несколько раз в неделю должен был перевозить ее в Московский областной научно-исследовательский клинический институт (МОНКИ) им. Владимирского для гемодиализа.

В первый раз В.Трифонову привезли в МОНКИ 23 апреля 2010 г., врачи поставили ей катетер и сделали гемодиализ. Через 5 дней она поступила в больницу СИЗО «Матросская тишина», где и скончалась 30 апреля 2010 г.

Вот так трагически оборвалась в 53 года жизнь В.Трифоновой между жерновами современной бюрократической следственно-судебно-прокурорской машины. Эта машина устроена таким образом, что суд перекладывает ответственность на следователей, те на прокуратуру и суд, а в итоге здоровью и жизни подследственных, вина которых еще не доказана, грозит реальная опасность.

Российские правозащитники обратились по поводу смерти В.Трифоновой в СИЗО «Матросская тишина» к президенту России Д.А.Медведеву с просьбой дать поручения по установлению и наказанию виновных лиц. Судья Одинцовского городского суда О.Макарова, трижды признавшая ее арест

законным, подала в середине мая заявление об отставке.

Вскоре председатель Верховного суда Вячеслав Лебедев обратился в квалификационную коллегия Московского областного суда с представлением, в котором указал, что Макарову за грубые нарушения необходимо лишить полномочий досрочно, а также отобрать у нее все льготы, положенные судьям, – повышенную судебскую пенсию и неприкосновенность.

Ходатайствовавшего об аресте подозреваемой следователя С.Пысина отстранили от работы и возбудили против него уголовное дело по ст. 293 УК РФ (халатность, повлекшая по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека).

Начальнику Следственного управления по Московской области А.Маркову объявлено о неполном служебном соответствии занимаемой должности.

Кроме того, глава СКП А.Бастрыкин уволил заместителя руководителя СКП по Московской области А.Филиппова.

Казалось бы, внимательный Читатель вправе упрекнуть авторов в чрезмерном нагнетании страстей. Разве Президент России Д.А.Медведев оставил без внимания просьбы родственников и правозащитников разобраться в причинах смерти С.Магнитского и В.Трифоновой. Отданы и выполняются поручения по установлению и наказанию виновных лиц, справедливость восторжествовала и теперь уж можно быть спокойным за судьбы всех остальных сидельцев СИЗО. Приговоры по их уголовным делам, обвинительные или оп-

равдательные, будут выносить беспристрастные и независимые судьи.

Вспомним, однако, опасения защиты Веры Трифоновой, что их подзащитная «может стать вторым Магнитским». Мало того, что они оказались пророческими, этим вторым случаем печальная практика российских правоохранительных структур не исчерпывается.

В состоявшейся 11 декабря 2012 г. передаче радиостанции «Эхо Москвы» директор ФСИН А.Реймер сообщил, что за 11 месяцев 2009 г. в следственных изоляторах нашей страны умерли 386 чел. Нетрудно догадаться об одной из причин повышенной смертности людей в СИЗО по сравнению со средним показателем по России.

Иными словами, далеко не только С.Магнитский и В.Трифоновы были страшно наказаны, не будучи еще по закону признанными в совершении вменяемых им преступлений.

Правдолюбцам остается только сожалеть, что до президента России удалось дойти защитникам только этих двух жертв, а во всех остальных случаях виновные останутся безнаказанными.

Авторы хотели бы огорчить несправедливых правдолюбцев своим сообщением о том, что даже при гипотетическом условии абсолютно полной информированности Президента России и его немедленной реакции такие случаи в СИЗО будут и впредь иметь место. На их взгляд, предотвращение подобных случаев станет возможным только тогда, когда будет найдена и искоренена их истинная причина.

В поисках истинной причины трагических случаев в российских СИЗО

Такая точка зрения авторов может показаться уважаемому Читателю чрезмерным усложнением рассматриваемого вопроса. Казалось бы, причина этих трагедий кроется в действиях конкретных работников правоохранительных структур, будь то следствие,

прокуратура, суд и т.п. По обоим случаям, как уже отмечалось выше, названы виновные лица, в их отношении принимаются соответствующие действия.

Тем не менее, авторы берут на себя смелость утверждать, что ни следовате-

ли Сильченко и Пысин, ни судья Макарова, ни тюремные врачи, ни начальники соответствующих органов не являются истинными виновниками рассматриваемых случаев, хотя именно в результате их действий или бездействия произошла смерть двух человек. Этим злополучных работников правоохранительных структур, правильнее было бы считать «мальчиками и девочками для битья» или «козлами и козлицами отпущенья», кому как больше нравится.

Что же касается истинной причины произошедших трагедий С.Магнитского и В.Трифоновой, то ее следует искать в подмене презумпции невиновности на презумпцию виновности. Для подтверждения этого тезиса можно прибегнуть к анализу сегодняшней российской практики заключения обвиняемых в СИЗО.

Как известно, следственные изоляторы (чаще называемые СИЗО) изначально были задуманы как средство временной изоляции обвиняемых в тех случаях, когда последние реально смогут помешать следствию в сборе доказательств их вины. Сам по себе, подобный критерий заключения обвиняемого в СИЗО сформулирован довольно расплывчато, оставляя место для произвола следователя или влияющего на него лица.

Однако даже при такой расплывчатости этого критерия вполне ясно, что помещенные в СИЗО обвиняемые впоследствии могут быть признаны невиновными по ходу следствия или судебного рассмотрения. Отсюда следует, что обвиняемые могут подвергаться только лишению свободы, то есть в СИЗО должны быть обеспечены комфортные условия содержания заключенных. На практике же заключенные подавляющего большинства СИЗО содержатся в ужасающих условиях антисанитарии и агрессии со стороны сло-

жившегося криминального элемента, фактически подвергаясь наказанию еще до приговора об их виновности.

Прекрасно зная об этом, некоторые следователи не могут удержаться от искушения использовать СИЗО как рычаг воздействия для получения от подследственного именно тех показаний, какие нужны следствию.

Вспомним слова В.Жеребенкова защитника В.Трифоновой, который после отказа судьи О.Макаровой выпустить В.Трифонову из СИЗО обратился к следователю С.Пысину с просьбой самому принять такое решение. «Пусть даст показания, тогда и выпустим» – ответил следователь.

Однако не так уж важно, действительно ли следователь уверен в виновности своего подследственного или же он преследует другую цель, подчиняясь корысти или какому-то нажиму. В любом случае, происходит явная или косвенная подмена презумпции невиновности на презумпцию виновности, причем человек, который еще не признан виновным и, возможно, даже будет признан невиновным, уже подвергается вполне тяжелому наказанию.

Было бы наивно ожидать от правоохранительных структур незамедлительного пресечения буквально всех подобных случаев. Тут нередко вступает в силу корпоративная солидарность следствия, прокуратуры и суда. В результате, если в качестве меры пресечения применялось заключение в СИЗО, суд чаще всего выносит обвинительный приговор. Обвиняемому в качестве утешительной премии в срок приговора засчитывается срок его пребывания в СИЗО. Помимо корпоративной солидарности на решение суда иногда может, как минимум, повлиять соответствующий телефонный звонок, то есть вступает в силу так называемое телефонное или «позвоночное» право.

На решение суда также могут прямо или косвенно повлиять такие факторы

«целесообразности», как государственные интересы, вслух высказанная позиция высшего руководства, социальная полезность, общественный резонанс и т.п. Например, каждый суд прекрасно понимает, что оправдательный приговор обвиняемому, сполна вкусившему все «прелести» заключения в СИЗО, потенциально наносит материальный и имиджевый «урон» российскому государству:

– *во-первых*, безвинно пострадавший человек вправе предъявить государственным структурам соответствующий иск о возмещении понесенного им материального и морального ущерба;

– *во-вторых*, от каждого такого приговора страдает имидж Российской Федерации, поскольку государство не смогло ни обеспечить достаточно комфортных условий пребывания в СИЗО, ни предотвратить использования ужасающих условий СИЗО в качестве орудия для получения именно таких показаний, какие, по тем или иным соображениям, нужны следователю.

Из-за вышеперечисленных обстоятельств, а иногда не только из-за них,

суд нередко определяет заведомо невиновному подсудимому хотя бы «минимальный» срок, лишь бы перекрыть срок, проведенный последним в СИЗО, и потенциально предотвратить, тем самым, его иск против правоохранительных государственных структур. В этой «неизбежности» подобных решений и заключается одна из причин того подозрительно высокого процента обвинительных приговоров в практике российской судебной системы, на который уже обращал внимание Президент России Д.А.Медведев.

Однако, называя подмену презумпции невиновности на презумпцию виновности в качестве истинной причины трагедий С.Магнитского и В.Трифоновой, как и многих подобных случаев, авторы отнюдь не призывают общество обрушиться со всей тяжестью праведного гнева на головы многострадальных работников российских правоохранительных структур. По мнению авторов, такая подмена происходит в самых разных сферах жизни современного человека, просто в практике правоохранительных структур это проявляется очень наглядно.

Подмена презумпции невиновности на презумпцию виновности – болезнь не только правоохранительных структур, а всего общества

Даже в таком близкородственном сообществе, как человеческая семья, нетрудно увидеть примеры подмены презумпции невиновности на презумпцию виновности.

Ревнивый супруг редко утруждает себя поисками вины своей второй половины, он настойчиво требует, чтобы вторая половина представила ему доказательства своей невиновности, причем обязательно неопровержимые.

Для иной тещи зять совершенно недогадлив ее драгоценной дочери и уже заранее повинен во многих грехах, равно как

иной свекрови невестка не пришлась ко двору и она будет подвергать несчастную множеству несправедливых придирок.

Сколько миллионов семей распалось и будет распадаться только потому, что «обвиняемые» супруги, зятья, невестки, тещи, свекрови и другие члены семьи так и не смогли доказать «обвинителю» своей невиновности, хотя по презумпции невиновности они и не должны были этого делать.

В более обширных сообществах также имеет место подмена презумпции невиновности на презумпцию ви-

новости. Сколько коренных москвичей не всегда справедливо сетует на тех, кто «понаехал» из провинций и якобы не представляет себе истинных московских ценностей. Они же, но уже вместе с «понаехавшими», дружно обвиняют во многих смертных грехах несчастных таджиков и узбеков, к которым с легкой руки средств массовой информации (СМИ) прилепилось немецкое слово «гастарбайтеры». При этом мало кто вспоминает, что своей славой Москва, во многом, обязана вчерашним сибирским, рязанским и другим провинциалам, а без гастарбайтеров столица давно погрязла бы в горах мусора.

Благодаря сообщениям органов МВД и репортажам СМИ мы все уже смирились с существованием мифической «кавказской» национальности. Лица «кавказской» национальности у многих сразу же ассоциируются с разбойными нападениями, квартирными и автомобильными кражами и т.п. Добрая (да простит нас уважаемый Читатель за невольный каламбур) половина московских и Санкт-Петербургских объявлений о сдаче квартиры в аренду содержит оговорку о том, что лицам «кавказской» национальности жилплощадь не сдается.

Надо признать, что мифическая «кавказская» национальность является далеко не единственной жертвой подмены презумпции невиновности на презумпцию виновности. Уважаемый Читатель вряд ли возьмется отрицать более чем настороженное отношение израильских евреев к палестинским арабам и наоборот. Привычное выражение «друг к другу» в данном случае прозвучало бы как-то даже неловко, если под словом «друг» подразумевать именно друга. К сожалению, наша современность изобилует подобными примерами на Кавказе, в Африке и других регионах нашей планеты. В отношениях между многими на-

родами царит **предубежденность**, если прибегнуть к политкорректной терминологии.

Отношения между различными религиями тоже диктуются отнюдь не презумпцией невиновности.

Например, для рядового мусульманина все христиане поголовно гяуры, то есть просто неверные, и его отношение к ним уже совсем не такое, как к своим единоверцам.

В свою очередь, многие очень даже неплохо просвещенные христиане в последнее время запугивают своих собратьев по религии грядущей исламизацией мира.

Чего уж говорить об отношениях между представителями ислама и иудаизма, нередко отказывающими друг другу даже в праве на существование.

Поскольку в большинстве стран религия играет или сыграла «государствообразующую» роль, то отношения между религиями проецируются на отношения между этими странами. Наиболее радикально настроенные исламские страны искренне полагают, что на карте мира не должно быть такого государства как Израиль. Естественно, Израиль отвечает «взаимностью» и периодически требует от США и других своих потенциальных защитников обрушить упреждающий удар на Иран и Сирию, пугая мир угрозой создания ядерного оружия в этих странах.

Печальный опыт применения такого подхода мир уже получил на примере Ирака, который под этим впоследствии не подтвердившимся предлогом стал жертвой агрессии со стороны США и других членов НАТО.

Еще одной яркой иллюстрацией межгосударственного подхода с позиций презумпции виновности является увлечение начертанием тех или иных «осей зла», ставшее хобби, если не главным занятием, президентов США. Как показала новейшая история, это увлечение

нередко имеет трагические последствия для тех стран, которые по воле очередного президента США оказываются в составе причудлившейся ему «оси зла».

Вышеприведенные примеры наглядно свидетельствуют о тотальной подмене презумпции невиновности на презумпцию виновности буквально во всех срезях современного общества. Соответственно, это сказывается на многих взаимоотношениях, будь то отношения между «своими» и «пришлыми» членами семьи, «коренными» и «понаехавшими» жителями городов, «жирующей» столицей и «ограбленной» провинцией, «законопослушными» резидентами и «злонамеренными» гастарбайтерами, своей «хорошей» религией и чужими «плохими» религиями, «демократическими» государствами и «диктаторскими режимами» и т.д.

Так, что же все-таки является первопричиной столь повсеместного и постоянно повторяющегося процесса подмены презумпции невиновности на презумпцию виновности.

Не искать же эту первопричину в «злом умысле» сотен следователей и судей или «неправильном» поведении бесчисленных тещ и зятьев, многих

миллионов христиан и мусульман, либо в «политических заблуждениях» президентов США, премьер-министров Великобритании и т.д.

Следует, прежде всего, признать, что мы имеем дело с болезнью всего общества, по крайней мере, на современном этапе. Если патологическую ревность считают заболеванием, то почему не отнести к разряду заболеваний поголовное тяготение членов общества к презумпции виновности, ведь для цивилизованного человека эта презумпция является, как та же ревность, своего рода «табу».

Вполне резонно задаться вопросом, можно ли быть членом общества, пораженного какой-то болезнью, и не заразиться ее вирусом. Авторам очень хотелось бы ответить на поставленный вопрос утвердительно, хотя бы косвенно причисляя себя к таким счастливым, однако оснований для утвердительного ответа они не видят. Больше того, по их мнению, рассматриваемая болезнь общества сама является следствием того, что вирусом подмены презумпции невиновности на презумпцию виновности изначально заражены все без исключения члены общества.

Болезнь общества как неизбежное следствие болезни всех нас

Данное утверждение авторов, на первый взгляд, представляется слишком смелым обобщением.

Возьми среднестатистического современного человека, разве он согласится с тем, что хотя бы изредка грешит подменой презумпции невиновности на презумпцию виновности. Между тем, обвиняя кого-то в совершении того или иного проступка, мы зачастую не столько ищем соответствующие доказательства его виновности, сколько ожидаем от него доказательств его невиновности.

Всем известно расхожее выражение «докажи, что ты не верблюд». Да простит нас уважаемый Читатель за некоторый экскурс, но верблюд на грузинский язык переводится как «акмели». Прибегая к псевдонаучной терминологии, можно сказать, что зачастую мы, обвиняя кого-то, не утруждаем себя его «акмелизацией», а ожидаем от него «самодеакмелизации». Мы применяем, пусть даже и невольно, презумпцию виновности.

Однако было бы неправильно утверждать, что мы не знаем или забыли

о существовании презумпции невиновности. О ней мы непременно вспоминаем, как только оказываемся в роли обвиняемого, будь то в семье, на работе, в суде и т.д. Оказывается, наш выбор между презумпцией невиновности и презумпцией виновности нередко зависит от того, в какой мы роли, «обвиняющего» или «обвиняемого», выступаем в том или ином конкретном случае. Сегодняшняя правда жизни такова, что «обвиняющий» на подсознательном уровне склоняется к презумпции виновности, а «обвиняемый» вспоминает о презумпции невиновности.

Ключевой вопрос, выходящий далеко за юридические рамки, состоит в том, какая из этих двух презумпций сработает, то есть чей выбор станет определяющим. Как это ни грустно, но неизбежно приходим к выводу, что победит выбор, сделанный более сильной стороной, независимо от того, является ли она «обвиняющей» или «обвиняемой».

Например, конфликт между государством и отдельным человеком будет разрешаться в рамках презумпции невиновности, если иск обращен против государства, если же иск подает государство, то на юридических подмостках, пусть даже в неявном виде, будет выступать презумпция виновности. В этом одна из причин того, что даже после оправдательного приговора далеко не каждый «сиделец» российских СИЗО выступает с судебным иском.

Приходится признать, что на сегодняшний день в обществе, причем не

только российском обществе, возможность использования презумпции невиновности в качестве защиты от обвинения является, как правило, привилегией сильного, а уделом слабого обвиняемого чаще всего является презумпция виновности.

Авторам не хотелось бы лишней раз злоупотреблять обращением к классикам, но как тут не вспомнить бессмертное крыловское «у сильного всегда бессильный виноват». Сколько уже прошло лет, а по выражению все того же великого баснописца – «воз и ныне там».

В древнем Риме, судя по юридическим учебникам, бал «правила» презумпция невиновности. Эта же презумпция была объявлена краеугольным камнем юридической системы большинства развитых стран в современном мире. Однако, как мы видим, на сегодняшний день в обществе, на самом деле, практически везде господствует презумпция виновности. Получается, что древние римляне руководствовались канонами **Римского права** с его презумпцией невиновности, тогда как мы живем в рамках некоей фактически сложившейся системы, которую по аналогии с популярными телевизионными передачами можно было бы назвать **Реалити-право**.

Базисом для *Реалити-права*, в отличие от Римского права, служит уже презумпция виновности, которой мы, как правило, отдаем предпочтение, если выступаем в роли «*обвиняющего*».

Долог ли будет век Реалити-права?

Как нетрудно видеть, сложившееся на сегодня **Реалити-право** оказалось прямым **антиподом Римского права**, по которому хотели бы жить практически все современные развитые страны. Получился курьезный (скорее, очень серьезный) парадокс, заключающийся в том, что за многовековой ис-

торический период, отделяющий нашу современность от времени древних римлян, в области права вместо прогресса произошел регресс. И это на фоне того головокружительного прогресса, который состоялся за тот же период в науке и технике. В век суперкомпьютеров и космических сверше-

ний мы в вопросах права оказались намного ближе к пещерным людям, чем к древним римлянам. Вопреки декларациям самого высокого уровня о приверженности презумпции невиновности, наши фактические предпочтения отданы презумпции виновности.

Сознание того, что против тебя в любой момент могут обратить презумпцию виновности, мало у кого может вызывать оптимизм. Естественно, возникает вопрос о долговечности Реальности-права и путях возвращения к истинно гуманным принципам Римского права. Первое, что приходит в голову, это надежда или, точнее, упование на власть предрержащих, ведь никто из них публично не отрекался от Римского права с его общепризнанной презумпцией невиновности.

В российском обществе основанием для таких ожиданий, казалось бы, могли служить примеры решительных действий президента Д.А.Медведева в обеспечении неукоснительного исполнения законов. По его поручениям устанавливают и наказывают виновных в преступном пристрастии к презумпции виновности, готовятся реформы правоохранительных органов. Оптимисты преисполняются радостных надежд, что вот-вот с этим видом беззакония будет покончено по всей стране и навсегда. Неисправимые пессимисты, для которых корнем зла всегда является действующая власть, задаются каверзными вопросами типа: «какое “право” охраняют правоохранительные органы?», «часто ли “исправляют” оступившихся людей наши исправительные заведения?», «не становятся ли они иногда уголовными “университетами” или кузницами “кадров” для неистребимой армии российских рецидивистов?» и т.п.

Авторы в данном случае не относят себя ни к оптимистам, ни к пессимистам. Как, наверное, заметил внима-

тельный Читатель, при всей детальности анализа событий, происшедших с С.Магнитским и В.Трифоновой, авторы ни разу не коснулись вопроса о виновности или невиновности этих людей, поскольку такой вопрос является прерогативой суда и только суда, если только судьи не будут вроде О.Макаровой. Справедливости ради надо заметить, что не стоит сильно преувеличивать роль таких людей, как О.Макарова, или демонизировать их. Скорее, они тоже являются жертвой сложившейся системы в современном обществе, где все, оказавшись в роли «обвиняющего», так или иначе страдают патологическим пристрастием к презумпции виновности.

Вместе с тем, авторам представляется, что обращения пострадавших или их защитников к гаранту Конституции больше напоминают вызов медицинской «Скорой помощи», которую то ли дождешься, то ли нет. Ни Президент России, ни глава любого другого государства, которое тоже исповедует Римское право, никогда не смогут коренным образом улучшить ситуацию, несмотря ни на какие разовые поручения или даже масштабные реформы правоохранительных и иных структур. До тех пор, пока мы все поголовно поражены вирусом пристрастия к презумпции виновности, о любых реформах впору сказать, причем без всякого злорадства, крыловские слова: «Вы, друзья, как ни садитесь, а в музыканты не годитесь!». К тому же следует признать, что чисто административным путем никого из нас от этого вируса не излечить. Однако было бы неправильно представлять ситуацию как совсем безвыходную.

Выход видится в каждом из нас – «Никто не даст нам избавления, ни царь, ни Бог и не герой. Добьемся мы освобождения своею собственной ру-

кой!», как говорится в отнюдь не индустриальной классике. Каждый должен набраться мужества признать за собой никого не украшающее пристрастие (явное или, пусть, даже неявное) к примене-

нию презумпции виновности в отношении людей, в чем-нибудь обвиняемых нами. А дальше, как по известной медицинской поговорке: «правильный диагноз это уже половина излечения».

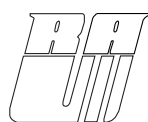
Уважаемый Читатель вправе задаться вопросом, насколько сами авторы преуспели в этом непростом деле. Ответом на этот вопрос будет неутешительное, хотя и честное «пока несколько».

Необходимость «выдавливаться из себя презумпцию виновности» представляется авторам даже куда более очевидной, чем общеизвестный призыв «выдавливаться по капле из себя раба».

Ведь ясно, что, вытеснив презумпцию виновности из индивидуального и общественного сознания, мы защитим как себя от тех, кто обвиняет нас, так и от себя тех, кого обвиняем мы.

Однако в жизни реализация этой более чем простой истины оказывается непостижимо трудной задачей*.

* Авторы благодарны Ольге Викторовне Георгиевой и Людмиле Игоревне Передельской за их неоценимую помощь при подготовке и написании настоящей статьи.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru